

ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ

16
СТР.

Светский раут

...Я родился 3-го апреля 1924 года за час до полуночи в Омахе, штат Небраска. Моей матери было тогда 27 лет, отцу — 29. До семи лет вместе с двумя моими сестрами мы жили в большом доме с деревянной крышей. Об этом времени у меня сохранились самые приятные воспоминания, ведь тогда я еще не замечал, что мать пила, а отец, тоже алкоголик, часто исчезал из дома, чтобы встретиться с проститутками.

Отец почти не уделял мне внимания. Хотя я носил то же имя, что и он, мне никогда не удавалось угодить ему или просто пробудить в нем интерес к себе. Отец был молчалив, ворчлив, часто ругался, одним словом, тиран, охотно раздающий направо и налево свои дикие приказы. Может быть, именно поэтому всю свою сознательную жизнь я не признавал никаких авторитетов.

Моя мать была нежной, обладающей чувством юмора женщиной, ценящей образование и обожающей музыку. До сегодняшнего дня не могу понять, что сделало из нее алкоголичку.

Ранние и самые прекрасные мои воспоминания связаны с Эрмин, моей няней. Днем мы играли с ней в разные замечательные игры, а ночью спали в одной постели. Как и я, она спала нагишом. И когда лунный свет скользил по ее янтарного цвета коже, я нежно гладил ее груди, даже ложился на нее. В те минуты она принадлежала лишь мне одному. Но, увы, когда мне исполнилось семь, Эрмин вышла замуж, и мы увиделись с ней только спустя двадцать лет.

Вскоре мои родители разошлись, и с мамой и сестрами мы переехали к бабушке в Калифорнию. Еще через два года мать решила вновь помириться с отцом, так что мы поселились опять все вместе.

...Мне — 16 лет. Кадетский корпус, куда меня отослали учиться, когда-то посещал и отец. Он считал, что здесь — то место, где меня и научат дисциплине. Но, не выдержав там весь срок, весной 1943 года я переехал в Нью-Йорк, где мои сестры изучали актерское мастерство. Я тоже решил попытать счастья в этом деле, поскольку и карьера военного, и нудный труд простого служащего были мне совершенно чужды.

О, сладкие воспоминания! Рядом с моей квартирой жила Эстрелита Роза Мария Консуэло Круз, колумбийка. Она была старше меня на 10 или 15 лет. Ее муж служил на флоте. И вот однажды вечером она пригласила

меня на ужин. Потом произошло то, что и должно было произойти: я потерял свою невинность. Эстрелита, по-дикуму страстная, даже никогда не носила трусиков и, казалось, была готова отдаваться ежесекундно. Мы часто стали видеться друг с другом, занимались сексом где попало. Однажды мы даже начали это дело на балете, и, помню, Эстрелита издала такой пронзительный стон, что до-

был Эрвин Пискатор, имевший большой успех на немецких сценах. Но для меня настоящей душой школы стала Стелла Адлер, сорокалетняя красавица с голубыми глазами и белокурыми волосами. Она превосходно играла на сцене, но с ней произошло то же, что и с большинством еврейских мастеров: у них не было никакой возможности стать звездой в Америке. Стелла всегда утверждала, что театральному мастерству нельзя научить, но сама она превосходно с этим справлялась.

Во многом благодаря Стелле после окончания войны я и начал работать в театре. Но уже после первого спектакля «Я вспоминаю маму» в 1946 году понял, что мне скучно восемь раз в неделю — на шести вечерних и двух утренних спектаклях — выходить на сцену в одном и

позволила и пригласила на ужин. Я отказался, так как уже был приглашен в другое место. И ведь я не заметил никакой депрессии! Твердо убежден, что она не собиралась покончить жизнь самоубийством. Может быть, она действительно ошиблась в дозе снотворного? Впрочем, я всегда считал, что Монро убила...

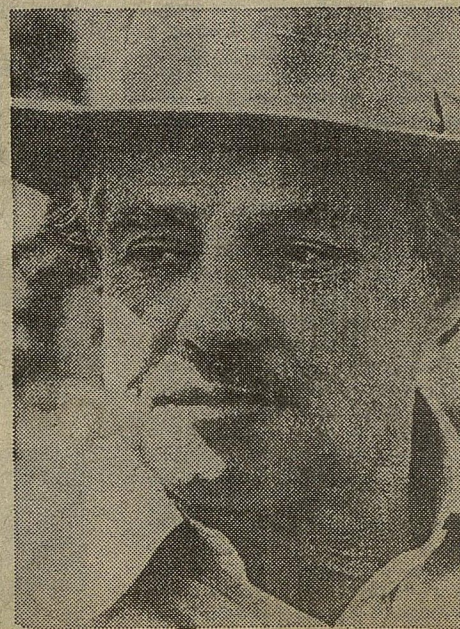
Слава, которая пришла с фильмом «Трамвай «Желание», доставляла мне немало хлопот. Помню, как в Нью-Йорке на протяжении почти трех месяцев меня преследовали анонимные телефонные звонки. Наконец незнакомка, трезвонившая все это время, набралась храбрости и по телефону призналась, что обожествляет меня с первой театральной премьеры «Трамвая «Желание». Я пригласил девушку к себе домой. Она назвалась Марией.

А потом наступило время «Крестного отца». Когда в 1970 году мне прислали сценарий этого фильма, я прочел не только его, но и сам роман. Мне предстояло сыграть шефа нью-йоркской мафиозной семьи. Меня терзали сомнения: хотелось проверить, смогу ли я вообще сыграть итальянца. Помню, дома я наложил грим и проиграл несколько эпизодов перед зеркалом, а потом и перед монитором телевизора. И решил дать согласие на съемки.

Кстати, с самого начала работы над фильмом к нему проявляла интерес настоящая мафия. Большая часть фильма снималась в нью-йоркском квартале «маленькая Италия», и мафиози направили к нам свою делегацию, дабы убедиться, что за весь фильм мы ни разу не произносим слово «мафия».

Грехи и страсти Марлона Брандо

В прошлом году живой легенде Голливуда Марлону Брандо исполнилось 70 лет. Нашим зрителям он прекрасно известен по фильмам «Крестный отец», «Последнее танго в Париже» и многим другим лентам. Но каков был в жизни этот красавец мужчина, за которым в 50-70-е годы прочно закрепилась слава покорителя женских сердец? Что вообще заставляет зрителей безоговорочно признавать одного или отвергать другого актера: только ли его профессиональный талант или еще и жизненный опыт, причем не всегда совпадающий со стандартными нормами морали? Быть может, частично ответить на эти вопросы нашим читателям помогут воспоминания самого Брандо, написанные им для немецкого журнала «Штерн» и ставшие своеобразной сенсацией.

брая половина публики догадалась о наших нелегальных утехх. Не успел ее муж вернуться домой, как тут же узнал об измене: супруги развелись. Но мои отношения с этой женщиной длились еще несколько лет.

Тем временем учеба продолжалась, и почти год я посещал Новую школу социальных исследований. В Нью-Йорке в то время нашли прибежище многие евреи из Европы, спасавшиеся от Гитлера. Они очень обогатили духовную жизнь города и стали не только моими учителями, но и работодателями. Благодаря этим людям я познакомился не только с книгами, но и с великими идеями, о которых до тех пор даже не догадывался.

Вскоре я уже читал философские труды Канта, Руссо, Ницше, романы Толстого, Достоевского. Ощущение культурных традиций, проникших в меня в то время, я не потерял на протяжении всей жизни. Оно — то и привело меня в театральную мастерскую, руководителем которой тогда

том же образе. Следующим моим спектаклем стал «Трамвай «Желание», высоко оцененный строгими критиками. И все же театр не затрагивал моего сердца.

Иное случилось, когда в 1951 году вышел первый фильм с моим участием — тот же «Трамвай «Желание». О, сниматься мне понравилось намного больше, чем играть в театре. Тем более что для участия в фильме из Англии прилетела Вивьен Ли. Не только незабываемо красивая женщина, но и одна из интереснейших актрис. Она, кстати, спала почти со всеми мужчинами, попадавшими на ее пути. Вероятно, и я не удержался бы, чтобы попытать своего счастья в ее постели, не будь рядом Лоуренса Оливье, мужа Вивьен. Уверен: он знал об изменах жены, но не подавал вида. А я к тому же слишком любил Лоуренса Оливье, чтобы встать у него на пути.

А потом произошла моя встреча с Мэрилин Монро. Мы познакомились в начале 50-х годов на одной из вечеринок в Нью-Йорке. В то время как остальные гости пили и танцевали, она в одиночестве сидела в углу комнаты и что-то наигрывала на рояле. Когда меня кто-то окликнул, я повернулся и ненароком толкнул Мэрилин локтем.

— Извините, — сказал я, — недосмотрел.

— Ничего страшного, — ответила она.

Тогда я предложил продемонстрировать Монро свое искусство игры на рояле, и после нескольких сыгранных мелодий мы разговорились. Так и произошло наше знакомство. А дальше? О, дальше! Однажды ночью я набрал номер телефона и сказал: «Я хочу тебя видеть. Если ты по какой-то причине не хочешь, чтобы я зашел к тебе, сейчас же скажи мне об этом». И Мэрилин пригласила меня к себе. Так и осуществилась моя самая смелая мечта...

С Мэрилин мы встречались до самой ее смерти в 1962 году. Она нередко звонила сама, и тогда мы могли разговаривать часами. Последний разговор состоялся за два-три дня до ее смерти: Мэрилин

— Могу я кое-что для вас сделать? — спросила она меня.

— Что?

— Можно, я помою вам ноги?

В смущении я помолчал минуту — другую, потом спросил ее:

— Но зачем?

— Просто так.

Мария вышла и вскоре вернулась с тазом воды. Я был удивлен, одновременно напуган и даже немного возмущен. Но из любопытства хотел узнать, как далеко она зайдет.

Мария медленно мыла мои ноги, потом высушила их своими волосами. Сознание, я испытывал наслаждение. И, разумеется, понимал, что здесь происходит: девушка вообразила себя Марией Магдалиной, а меня — Иисусом.

Признаюсь: я почувствовал возбуждение. Девушка присела ко мне на кровать, и я уже не мог совладать с собой. Рука легла на ее грудь, и через мгновение наши тела тесно слились. Когда я вошел в Марию, она прошептала: «Боже, я умираю».

Она оказалась девственницей. Я почувствовал угрызения совести: ведь мне пришлось соблазнить ту, которая считала меня едва ли не святым. На прощание я дал Марии адрес своего знакомого психиатра, ведь ей, скорее всего, требовалась помощь специалиста...

Время шло, и в 1953 году я снялся в фильме «Дикий», а спустя два года получил своего первого «Оскара». Тогда же умерла моя мать, а ведь ей было всего 55 лет. Когда ее глаза сомкнулись навеки, я взял себе на память один ее локон, подушку, на которой покоилась ее голова, и красивое аквамариновое кольцо с ее руки. Это кольцо я всегда ношу с собой, но почему-то теперь камень стал совершенно серым.

Да, я много грешил, ведь с женщинами мне всегда везло. Мне нравилось соблазнять их, у меня было слишком много романов, чтобы я позволил себе утверждать, будто являюсь нормальным благоразумным мужчиной. Доходило до смешного: бывало, две моих любовницы сталкивались в моем доме, и мне приходилось скрываться бегством через окно.

Ну а в фильме «Последнее танго в Париже» (1972) я играл овдовевшего американца Поля, крутившего роман с французской Жанн, роль которой исполнила Мария Шнайдер. Режиссер фильма Бернардо Бертолуччи специально писал сценарий для нас обоих: ему хотелось, чтобы я играл самого себя. Хотя, конечно, фильм — не моя биография. Вспомню, что на съемках произошел один из самых неприятных инцидентов в моей жизни. Предстояла сцена, в которой меня снимают спереди — совершенно голым. Но было так холодно, что мой пенис съезжился до размера ореха. Я понимал, что в таком виде показаться в кадре нельзя, и начал голышом бегать по квартире, надеясь на чудо. Сконцентрировав все свои мысли на собственных гениталиях, я пытался силой воли увеличить пенис хотя бы до его нормального состояния — все напрасно. Через час моих пустых стараний я прочитал по лицам киногруппы, что они ожидали от меня много большего. И сцену пришлось просто вырезать из фильма...

Таких историй в моей жизни было множество. Я охотно рассказывал бы их все. Но многое ушло из памяти, а многое я и сам не могу объяснить, и для меня все еще загадка, зачем я поступаю так, а не иначе. Если я успею отгадать эти загадки, непременно поведаю найденные мной ответы.

Итак, лучший киноактер в мире, как называют критики Марлона Брандо, пообещал продолжить свой рассказ. Может быть, он имел в виду только что выпущенную им книгу «Песни, которыми научила меня мать»? Ходят, правда, слухи, что поводом для ее написания было не желание выговориться до конца, а элементарная нужда в деньгах. Ведь сына артиста упрятали на 10 лет в тюрьму за убийство любовника своей сестры, а дочь поместили в нарколечебницу. И судебные издержки, и содержание дочери-наркоманки потребовали огромных расходов. Вот актер-молчальник и взялся за перо. Но книга, увы, бестселлером не стала. Другие времена, другие герои...

Подготовила
Елена БАЗДАРЕВА

М. Брандо с Мэрилин Монро

№ 2. 1995